

УДК 327:140.8
ББК Ф4(2)

ГСНТИ 11.25.25; 16.21.27

Код ВАК 23.00.04

К. О. Друговойко К. O. Drugoveyko
Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

**ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

(на материале текстов
русской и латвийской прессы)

Аннотация. Дискурсивный анализ текста газетных статей, посвященных спорам, которые возникли в российской и латвийской прессе вокруг строительства на территории мемориала Саласпилс памятника немецким солдатам, погибшим во Второй мировой войне. Материал — тексты трех российских и трех латвийских источников. Анализируемый временной период — сентябрь — декабрь 2008 г. Демонстрируется зависимость аксиологического аспекта концепта «память» от личной позиции в оценке прошлого.

Ключевые слова: дискурс; концепт «память»; СМИ; Саласпилс; мемориал; речевое воздействие; исторический конфликт.

Сведения об авторе: Друговойко Ксения Олеговна, аспирант заочной формы обучения, факультет политологии.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1-3.
e-mail: drugoway@gmail.com.

**DISCURSIVE MECHANISMS
OF FORMING
HISTORICAL MEMORY**

(on the basis of the texts
from Russian and Latvian press)

Abstract. Discursive analysis of newspaper articles devoted to debates in Russian and Latvian press about building on the territory of Salaspils memorial the monument to German soldiers killed during World War II. The material for research are the texts from three Russian and three Latvian sources. The analyzed period covers September — December of 2008. The dependence of axiological aspect of the concept “memory” on personal attitude to the past is proved.

Key words: discourse; concept “memory”; Mass Media; Salaspils; memorial; verbal influence; historical conflict.

About the author: Drugoveyko Ksenia Olegovna, Post-graduate Student, faculty of Politology.

Place of employment: St.Petersburg State University.

Данное исследование представляет собой дискурсивный анализ текста шести газетных статей, посвященных спорам, которые возникли в российской и латвийской прессе вокруг новости о строительстве на территории военного мемориала Саласпилс памятника немецким солдатам, погибшим во Второй мировой войне.

Материалом для исследования послужили тексты авторитетных СМИ, охватывающие небольшой временной период и посвященные одной проблеме, которая, в сущности, представляет собой проблему конструирования исторической памяти, иначе говоря — проблему создания исторического мифа. Это тексты а) трех российских источников: информационного интернет-агентства NEWSru.com [На территории бывшего нацистского концлагеря], газет «Взгляд» [Казумова 2014] и «Коммерсант» [Водо 2008]; б) трех латвийских источников на русском языке: газет «Ves.LV. Латвийские вести» [Малаховский], «МК-Латвия» [Спранцмане 2008] и «Телеграф» [Березовская 2008].

Двумя основными задачами исследования стали анализ механизма конструирования исторической памяти в СМИ и определение базовых позиций российской и лат-

вийской сторон при рассмотрении общего исторического конфликта. В основу анализа легло использование указанными СМИ ряда служащих инструментом речевого воздействия лингвистических средств выражения субъективной оценки описываемых событий.

Конструирование исторической памяти в средствах массовой информации — проблема, имеющая два значимых аспекта. Во-первых, чрезвычайный интерес представляет рассмотрение данного процесса с точки зрения его преднамеренности и продуманности или, напротив, стихийности и спонтанности; во-вторых, в случае выхода проблемы на международный уровень важна специфика оценки описываемых в прессе событий источниками каждой из затронутых или заинтересованных сторон.

Конкретная проблема, анализируемая в данном исследовании, формально касается ФРГ и Латвийской Республики, так как именно между этими государствами возникли определенное непонимание и недоговоренности по поводу строительства на территории латвийского мемориала нового памятного знака. Тем не менее, как будет видно далее, основные противоречия возникли между Россией и Латвией.

Исторический прецедент, легший в основу анализируемых в этом исследовании текстов СМИ, требует предварительного освещения, включающего в себя наиболее полную предысторию возникших споров, по возможности лишенную эмоциональных оценок и откровенно субъективных комментариев. С этой целью ниже приводится фрагмент статьи, не вошедшей в список анализируемых источников, но соответствующей описанным выше исследовательским требованиям.

«...В октябре 1941-го, спустя три месяца после того, как войска вермахта заняли Ригу, в Саласпилсе (город расположен на восточном берегу Даугавы в 18 км от столицы Латвии) начал строиться Саласпилсский лагерь (официальное название — „Саласпилсская расширенная полицейская тюрьма и лагерь трудового воспитания“). Он стал единым центром заключения узников, ранее находившихся в расширенных лагерях при тюрьмах, предназначенных для содержания политзаключенных — участников антифашистского движения, а также тех, кто в 1940 г. поддержал установление советского режима в Латвии. Всего за время германской оккупации активистами т. н. латышской самообороны, работавшей под покровительством нацистов, были арестованы около 15 тыс. латвийских граждан. Половина из них была схвачена сразу после вторжения войск вермахта — летом 1941 г.

Саласпилсский лагерь, построенный пригнанными из Германии заключенными-евреями, стал заселяться в мае 1942 г. В конце того же года к политзаключенным присоединили арестованных безработных, уклоняющихся от всеобщей трудовой повинности, — они содержались в отдельных бараках. В марте 1943 г. в лагерь начали свозить арестованных крестьян из Латгалии (уклонявшихся от поставок сельхозпродукции и уплаты налогов), женщин и детей из партизанских сел Белоруссии, Псковской и Ленинградской областей, а также дезертиров, бежавших из Латышского легиона и отказывающихся служить в частях вермахта. Весной 1944 г. появилась новая категория заключенных — члены Латышского национального движения, представленные интеллигенцией, призывавшей население бойкотировать приказы немецкого командования и уклоняться от службы в СС-легионе. Правда, этим узникам была предложена альтернатива, и некоторые из них стали лагерными охранниками.

По последним подсчетам, всего через Саласпилсский лагерь прошли около 100 тыс. заключенных. К августу 1944 г. лагерь опустел — значительная часть заключенных погибла, остальные были угнаны в Штуттгоф-

ский лагерь смерти, находившийся на Балтийском побережье между Гданьском и устьем Вислы.

Перед приходом советских войск почти все лагерные бараки были сожжены. Из оставшихся советское командование организовало лагерь для немецких военнопленных, содержащихся там вплоть до октября 1946 г. По данным Комитета братских кладбищ (латвийской общественной организации, которая занимается учетом мест военных захоронений и уходом за ними), в списках за 1949 г. значатся имена 146 низших чинов вермахта, похороненных рядом с лагерем.

В 1967 г. на месте нацистского лагеря был создан Саласпилсский мемориальный комплекс.

В 2006 г. на месте захоронения 146 немецких солдат был установлен березовый крест, который в ближайшее время должен быть заменен белым каменным ансамблем из четырех крестов около метра в высоту, — именно эта новость и подняла волну возмущения бывших узников Саласпилса и правозащитников.

Инициатором проекта создания вермахтовского мемориала стала немецкая сторона — Народный союз по уходу за военными могилами. Вместе с уже упомянутым Комитетом братских кладбищ Народный союз занимается обустройством военных захоронений в Латвии с 1997 г., когда между Германией и Латвией был заключен соответствующий договор. Будущий памятник, согласно заявлению Народного союза, имеет одну цель — обозначить захоронение, а вовсе не воздать покоящимся в нем солдатам военные почести...» [Друговойко 2008].

С момента возникновения прецедента до снятия основной массы взаимных претензий прошло ровно три месяца — потому в качестве материала для анализа взяты публикации сентября — декабря 2008 г. Материалы СМИ, посвященные рассматриваемым событиям, делятся на две неравные группы: большую часть составляют информационные заметки с повторяющимися из одной в другую устойчивыми фактологическими формулировками и неизменными комментариями одних и тех же героев; меньшую — статьи аналитического характера, отличающиеся расширенной фактографией, авторскими комментариями и оценками разной степени экспрессивности. В данном случае несомненный интерес представляют источники второго типа — именно они используются в качестве материала для представленного ниже дискурса-анализа.

Поскольку дискурсивный анализ представляет собой совокупность методик и тех-

ник интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах, в основе его лежит оценка целого ряда лингвистических параметров анализируемого текста. Именно они определяют специфику осуществляемой исследователем интерпретации базовых фактов. Ряд языковых параметров и элементов важен для дискурс-анализа в целом, некоторые из них играют особую роль при рассмотрении текстов СМИ. Таким образом, при дискурсивном анализе рассмотрению может быть подвергнута не только структура текста в целом, но и любой уровень текста, а также любая коммуникативно значимая единица текста.

В данном исследовании все элементы, выделенные как значимые, способствовали возможности оценить не только эксплицитные характеристики отдельных языковых конструкторов, но также (и в первую очередь) их имплицитные характеристики. Роль и специфика проявления последних подробно рассматривается при анализе **вводных слов и вставных конструкций, средств лексической выразительности, концепта память.**

Выбор именно этих лингвистических средств, распределенных по трем аналитическим блокам, объясняется следующими причинами.

Вводные слова и вставные конструкции относятся к наиболее важным лексическим средствам, определяемым дискурсивным контекстом, — так называемым дискурсивным маркерам, т. е. специальным словам, помечающим структуру дискурса, ментальные процессы говорящего, контроль над ментальными процессами адресата и пр. Исследование дискурсивных маркеров в настоящее время является одной из наиболее популярных областей дискурсивного анализа и лексикографии [См., напр.: Баранов, Плунгян, Рахилина, Кодзасов 1993, 1998].

Такие лексические средства, как слова и выражения, имеющие яркую эмоциональную семантическую составляющую или стилистическую окраску, лингвисты считают наиболее распространенным и лучше всего освоенным языковым инструментом, который используется для целей речевого воздействия: «...в значении многих слов имеется эмоциональная составляющая, и посредством выбора таких слов можно оказывать сильное эмоциональное воздействие... Например, обрушивая на читателя непрерывный поток упоминаний о *предательстве, мародерстве, идеологическом навозе, разрушительной волне, неудержимом падении,*

подлых идеях, кошмарной интервенции, страшном нашествии, лженаучных теориях, варварском нашествии, вонючем омуте и т. д. (примеры из небольшого фрагмента редакционной статьи „Политика измены“ в газете „Советская Россия“ от 19 августа 1995), человека вполне можно возбудить, обозлить, запугать и таким образом модифицировать его поведение» [Баранов, Паршин 1990]. По мнению П. Б. Паршина, «практически в каждом слове зафиксирован некоторый фрагмент модели мира, а модели могут быть очень разнообразными. Слова могут фиксировать в своем содержании различные точки зрения (*победа* и *поражение* — это описания одной и той же ситуации, рассматриваемой с разных позиций, и одно и то же событие можно назвать *победой „Спартака“* и *поражением „Локомотива“*), асимметрии в позициях участников ситуации (*рапортует* начальник подчиненному, а *консультирует* по какому-то вопросу более компетентный в этом вопросе менее компетентного и т. д.), различной логической статус элементов содержания (*обвиняя*, приписывают некоторый проступок, который предполагается предосудительным, а *осуждая*, наоборот, предполагают некоторый проступок совершенным и заявляют о его предосудительности), различную сравнительную значимость смысловых компонентов (в слове *управленец* на первый план выходит представление о процессе управления, а в слове *хозяйственник* — об объекте управления и его результатах). <...> Часто эмоциональное воздействие оказывается совместно с влиянием на социальные представления с помощью слов, в которых фиксируются отношения „свой/чужой“ (а через них и оценка): *агрессия* — ‘оказание поддержки враждебной нам стороне’, (*интернациональная*) *помощь* — ‘оказание поддержки дружественной нам стороне’; *зверства* — ‘осуществляемые ими убийства’, *возмездие*, *зачистка* — ‘осуществляемые нами убийства’; *стабильность* — ‘политико-экономические условия, соответствующие нашим интересам’, *нестабильность* — ‘политико-экономические условия, не соответствующие нашим интересам’; *гибкость* — ‘мой компромисс’, *беспринципность* — ‘его компромисс’ и т. д.» [Паршин].

Таким образом, с помощью выбора слов осуществляется воздействие и на образ действительности, поэтому анализ этих лингвистических средств представляется особенно актуальным при исследовании механизма конструирования исторической памяти, т. е. создания исторического мифа.

Первый блок — вводные слова и вставные конструкции

В ходе исследования был проведен анализ содержащихся в текстах вводно-вставочных конструкций (ВВК) и вставных конструкций (ВК), который позволил проверить ряд гипотез.

Таблица 1. Вводные слова и вставные конструкции в текстах СМИ

Функциональная нагрузка	Россия	Латвия
Степень уверенности	–	11
Оформление мыслей	–	1
Эмоциональная оценка	1	3
Связь мыслей	8	16
Источник информации	10	6
Привлечение внимания	–	3
ВК	1	12
Всего элементов	20	52

Вводные и вставные конструкции, напрямую передающие эмоции автора, обнаруживаются лишь в латвийских источниках: **жаль только, что еще хуже, детям понятно.**

ВВК, которые адресуют высказывание собеседнику, побуждая его к активному восприятию, также не используются в российских текстах, составляя при этом значительную часть дискурсивных элементов в текстах латвийских СМИ: **напомним, поймите же, но поймите, напомним, скажите, извините.** Заметим при этом, что бóльшая часть такого рода дискурсивных слов в грамматическом отношении представляет собой глаголы, стоящие в форме повелительного наклонения (**поймите же, но поймите, скажите, извините**). Такие формы прямо обозначают действие, адресованы какому-либо лицу и выражают побуждение говорящим к исполнению действия [Современный русский язык. Морфология 2007: 473], причем формы 2 лица глагола характеризуются как «императивные формы совместного действия» [Там же: 474—475] — таким образом, степень их воздействия на адресата сообщения оказывается еще более высокой.

ВВК, выражающие степень уверенности пишущего в собственных словах, косвенно передающие его настрой по отношению к описываемой информации и усиливающие таким образом эффект воздействия на читателя излагаемых фактов, также отсутствуют в текстах российских источников и характерны для латвийских СМИ: **правда, нет спо-**

ру, вероятно, может, может быть, скорее всего, конечно, конечно же, наверное, нет никаких сомнений, уверен.

Дополнительно на такое усиление работают и ВК, используемые в латвийских текстах для привлечения внимания читателя и передающие эмоции автора: **Начало стройке положили отставные военные германского бундесвера (надо полагать, не без ведома городской администрации); бывшие узники концлагеря — этой огненной пасти, пожравшей 100 тысяч жизней и выпустившей лишь немногих, говорят...; Посол России в Латвии Александр Вешняков также не постеснялся быть категоричным (не до стеснения теперь, ведь вопрос — принципиальный, так вышло, что последние бои Второй мировой еще продолжаются, ведут их потомки победителей); место захоронения было выбрано советскими властями (уверен, оно находится в стороне от могил узников, которые в то время были совсем свежими); Германия, как ни одна другая страна в мире, — и это надо признать, — может служить всем нам примером честного отношения к своему прошлому.** Для российских источников этот прием не характерен.

Вводные и вставные конструкции, используемые авторами российских текстов, выполняют две сугубо служебные функции: прежде всего, дают ссылки на источники излагаемой информации (**по данным латвийских СМИ (2), как уточняет издание (2), как заявила активист русского движения Саласпилса Галина Муштавинская (2), по сведениям Галины Муштавинской, по данным портала Ves.LV, по его словам, по его мнению, по данным латвийского комитета братских кладбищ, по заверениям Народного союза**) и определяют логическое соотношение между частями высказывания или между отдельными высказываниями в составе текста (**в частности, кстати, так, впрочем**). Обилие в российской прессе ВВК, указывающих на непосредственный источник сообщения, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении авторов этих статей воздержаться от формулирования собственного мнения по поводу обсуждаемой проблемы и максимально дистанцироваться от описываемых событий (12 ВВК указанного типа в текстах российских СМИ соответствуют вдвое меньшему числу таких конструкций (6) в латвийской прессе).

Все рассмотренные источники представляют собой статьи, претендующие на аналитический характер изложения материала либо на использование отдельных элементов такого. Тем не менее выделенные

в тексте вводные и вставные конструкции показывают, что между наличием вводных элементов, являющихся ссылками на конкретный источник информации (иное издание или авторитетное для автора лицо), и отсутствием вставных конструкций (т. е. развернутых авторских уточнений и комментариев) существует прямая связь. Наиболее четко она прослеживается в российских источниках. Таким образом, практически все выводы, сделанные авторами этих материалов, представляют собой априорное согласие с готовыми позициями, освещаемыми и пересказанными в текстах, и не обнаруживают самостоятельности суждений.

Следует заметить, что, хотя модальность речи автора и приводимых им высказываний экспертов имеет разный удельный вес, такие высказывания в журналистской практике никогда не являются дословной передачей сказанного — строго говоря, они представляют собой не цитаты, но квазичитаты, которые неизбежно отражают позицию интерпретатора.

При передаче одной и той же фактической информации латвийские источники активнее прибегают к имплицитным средствам выражения авторской позиции: число вводных и вставных конструкций в латвийских текстах значительно превышает этот показатель для российских источников (см. табл. 1). В то же время стоит отметить одну интересную особенность российских текстов: являясь менее эмоциональными и демонстрирующими видимую дистанцию между событиями в Саласпилсе и российскими дискуссиями по поводу этих событий, имплицитно они выражают определенно негативное отношение к описываемым событиям. Свидетельством тому служит контекстуальное использование слова *скандал*, характеристика которого приведена ниже.

Второй блок — средства лексической выразительности, демонстрирующие эмоциональную оценку.

В газетных материалах, посвященных рассмотрению узкой конкретной проблематики, тестовая стилистика и особенности дискурса определяются манерой оперирования сложившимся набором фактов и идей. Зачастую текст, описывающий те или иные события, не несет никакой новой информации, но при этом настолько неожиданно преподносит информацию, уже известную из других источников, что приходится говорить о возникновении принципиально новых ее трактовок. В то же время присутствие в тексте элементов, перешедших в неизменном виде из другого источника, и место, которое

эти элементы в новом тексте занимают, также позволяют проанализировать оценку автором нового текста информации, используемой в качестве признанной, проверенной и/или требующей обязательного упоминания.

Использование разнообразных средств лексической выразительности, обладающих «способностью воздействовать на восприятие действительности под определенным углом зрения», является ярким примером «отказа от открытой пропаганды тех или иных идей и перехода к завуалированному манипулированию массовым сознанием» [Байгарина 2004: 18].

Так, в российских СМИ оценочные характеристики описываемого события встречаются, как правило, в прямых или косвенных цитатах из латвийских источников: *как заявила активист русского движения Саласпилса Галина Муштавинская, бывшие заключенные Саласпилского концлагеря расценили этот факт как циничное надругательство над жертвами нацистов; Русскоязычное население Саласпилса буквально потрясено; противники же называют проект „бестактной провокацией“; Эйжен Упманис утверждает, что погребенные в Саласпилсе солдаты вермахта не имеют ничего общего с мучителями из Саласпилского концлагеря: „Это военнопленные, которых после войны держали в уцелевших лагерных бараках. Гестаповцев и надзирателей-эсэсовцев среди похороненных в Саласпилсе пленных быть не может по той простой причине, что те сидели в других местах, где содержались военные преступники“.*

К числу же оценочных слов, используемых непосредственно авторами текстов в российских источниках, можно отнести лишь эпитет *неоднозначный* (использованный информационным интернет-агентством Newsu.com и повторенный газетой «Взгляд») в контексте *Возведение памятника немецким солдатам вызвало неоднозначную реакцию горожан*, а также существительное *скандал*, которым авторы статей в газетах «Взгляд» и «Коммерсант» характеризуют описываемое событие. Прилагательное *неоднозначный* не зафиксировано нормативными словарями современного русского литературного языка^[1], однако в сознании говорящих оно связывается не только с относительно нейтральными («имеющий и плюсы и минусы», «о котором есть противоречивые мнения, слухи»), но и с ярко оценочными значениями — «одиозный», «скандальный». Существительное *скандал*, характеризваемое большинством словарей как имеющее разговорную окраску, определяется как «случай,

происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников' [Словарь русского языка 1988: 103].

В латвийских СМИ прямое выражение оценки описываемых событий является последовательным приемом воздействия на адресата сообщения: газета „Саласпилс вестис“ **огорошила жителей города; на территории, политой кровью более чем ста тысяч узников концлагеря; исходя из логики этих немецких доброхотов; это не смущает директора мемориала; страшным, жестоким конфликтом обернулось желание Германии установить в Саласпилсе памятник немецким военнопленным; узники концлагеря — этой огненной пасти, пожравшей 100 тысяч жизней и выпустившей лишь немногих, говорят: „Это кощунство“; немцы перешагнули тонкую грань этики, что недопустимо; Дальше — больше; Часть общества Латвии таким нивелированием ценностей приведена в негодование и ужас; скандальное благоустройство** и т. п.

Третий блок — концепт *память*

Среди значимых для рассматриваемого дискурса языковых единиц, встречающихся в текстах российской и латвийской прессы, отдельную группу занимают слова с корнем *памят-* — *память, памятник и памятный*. Через них напрямую раскрывается дискурс исторической памяти, о формировании которой идет речь в данном исследовании. В конце 30-х гг. XX в. ученик А. Бергсона и Э. Дюркгейма М. Хальбвакс [Хальбвакс 2005] проанализировал в работе «Коллективная и историческая память» социальные, культурные и индивидуальные параметры, которыми определяется человеческая память. Выделив четыре области внешнего измерения памяти: 1) мимическую, 2) предметную, 3) коллективную и 4) культурную, — французский исследователь пришел к выводу о том, что культурная память переходит из поколения в поколение, семиотизируясь в некие символические фигуры, как например, *Варфоломеевская ночь, Жанна д'Арк и Октябрьская революция*. К ним естественным образом «прирастают» воспоминания, а через них история нередко становится мифом. Только живая память (то, что люди помнят) есть представление о прошлом. Анализ того, как элементы этой живой памяти претерпевают «прижизненную» интерпретацию, позволяет выявить отдельные повороты сценария конструирования политической памяти.

По мнению О. Г. Ревзиной, «память — это фундамент истории, о чем так замечательно сказал Поль Рикер: „Под историей —

память и забвение. Под памятью и забвением — жизнь“. Человек и общество запечатлевают свою историю в памятниках, в памятных местах... Для каждого человека, ...для общества в целом исключительное значение имеет то, что следует помнить и что следует забыть. Манипуляция общественной памятью — один из способов политического воздействия» [Ревзина 2006: 10].

В связи с проблематикой рассматриваемого комплекса статей уместно напомнить, что Поль Рикер, поставивший в центр исторического дискурса проблему взаимоотношения между памятью и историей, особенно подчеркивает ценностный, аксиологический аспект концепта *память*: «...событие, называемое Освенцимом, — событие на пределе. Таково оно в индивидуальной и коллективной памяти — прежде чем оно станет таковым в дискурсе историка. Отсюда поднимается свидетельство-протест, которое ставит историка-гражданина в ситуацию ответственности по отношению к прошлому» [Рикер 2004: 365].

Частота употребления слов с корнем *памят-* в первой и второй группе источников примерно одинакова.

Таблица 2. Употребление слов с корнем «памят-»

Слово	Россия	Латвия
Память	9	10
Памятник	12	13
Памятный	12	8
Мемориал	6	4
Мемориальный	1	1

Однако контекстуальный анализ выявляет определенные различия в употреблении этих слов. За исключением случаев использования их во вступительных информационных пассажах, которые встречаются как в российских, так и в латвийских текстах (*В роцце, где до этого отдыхали во время памятных мероприятий бывшие узники концлагеря и ветераны-освободители, теперь возведут каменную стену и монументальный крест в память о погибших немецких солдатах и офицерах...*) и потому могут быть оценены как окрашенные нейтрально, а также цитирования официальных документов (*Работа, которую осуществляет немецкий союз в сотрудничестве со своими партнерами, посвящена памяти всех павших во время войн, — говорится в заявлении германского посольства. — Это необходимо как для сохранения памяти жертв войны, так и для осознания ответственности за случившееся...*), данные лексические единицы в текстах российских

и латвийский авторов несут различную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Так, в российских источниках слово *память* относится исключительно к словосочетаниям *жертвы нацизма* и *жертвы нацистского концлагеря* и фигурирует в изложении чужой, а не собственной позиции или же в комментариях к ней: *Латвийские власти утверждают, что память жертв нацизма памятник не оскорбит; Противники же называют проект „бестактной провокацией“ и попыткой создать идеологический противовес памяти жертв нацистского концлагеря; Тем не менее многие в Латвии рассматривают сооружение этого памятника как попытку создать своего рода идеологический противовес памяти жертв нацистского концлагеря.*

В латвийских статьях *память* рассматривается как категория более универсальная и используется в связке с такими уточнениями, как *каждый павший, все павшие, погибшие, любой человек*. При этом речь о *памяти* ведется либо от имени автора, либо (в случае цитирования): *„Мы хотим увековечить память каждого павшего“, — говорят там*) от первого лица. Предложения, содержащие слово *память*, превращаются в рассматриваемой латвийской прессе в своего рода формулы (*Наш долг в том, чтобы не разрешить осквернять память погибших или предать ее забвению; Любой человек имеет право на память*).

Слово *памятник* дает повод для еще более интересных наблюдений. В российской прессе, которая при обсуждении исторической памяти однозначно характеризовала бывших узников Саласпилса, оскорблением для чувств которых явилась новость о строительстве нового памятного знака, как «жертв нацизма», *памятник* контекстуально не связан ни с какими экспрессивными характеристиками (за исключением одного примера, который является цитатой: *создание такого памятника вблизи места массовой гибели заключенных концлагеря является „бестактной провокацией“*). В латвийской же прессе ситуация прямо противоположна — при всей либеральной и гуманной трактовке понятия исторической памяти конкретный *памятник*, о котором идет речь, характеризуется резко негативно: новость о его возведении, которое планируется *„на территории, политой кровью более чем ста тысяч узников концлагеря“*, обернулась *„страшным, жестоким конфликтом“*; сам *памятник*, как явствует из текста, воспринимается бывшими узниками Саласпилса как *„памятник жесточайшему из режимов-убийц“*. Если в российских источ-

никах *памятник* описывается скорее как прецедент и повод для возрождения вечных дискуссий об исторической памяти, в латвийской прессе к нему привлекается непосредственное внимание, выражаемое с помощью формул, как и в отношении слова «память» (*Памятники тем, кто был замучен, и тем, кто мучил, не должны стоять рядом; Понятно, что территория мемориала концлагеря совсем не подходит для установки памятника немецким солдатам...; ...памятник немецким солдатам на территории мемориала, это ужас...*).

Слово *памятный* в обоих случаях оказывается не эпитетом, но нейтральным определением, сопровождающим такие слова, как *крест, знак, место*. Единственным исключением является заключенное в кавычки словосочетание *„памятное место“* — интересно, что в этом скептическом ключе оно фигурирует при интерпретации авторами слов эксперта (*По сведениям Галины Муштавинской, в архивах городских властей не удалось найти решение Саласпилской думы, разрешающее строительство подобного „памятного места“ на территории мемориального комплекса*) — данный эпизод встречается в одном из российских (Newsru.com) и в одном латвийском («Вести Латвии») тексте. Отдельного внимания заслуживает плеонастическое выражение *памятный мемориал*, введенное автором статьи в российском «Взгляде», — по факту являясь нарушением норм лексической сочетаемости, это словосочетание по сути служит характерным для публицистического стиля речи средством выразительности, роль которого состоит в привлечении читательского внимания. Правдоподобность данной гипотезы подтверждается тем, что выражение *памятный мемориал* вынесено в шапку статьи и контекстуально соседствует в предложении с упоминанием не просто о *немецких солдатах*, а *немецко-фашистских захватчиках* (*В латвийском городе Саласпилс идут работы по установлению памятного мемориала немецко-фашистским захватчикам на месте бывшего концлагеря*).

Слова *мемориал* и *мемориальный*, которыми заменены в ряде текстовых эпизодов и исконно русские синонимы *памятник* и *памятный*, с одной стороны, вносят в текст стилистическое разнообразие, с другой же — снижают эмоциональную нагрузку: иностранный по происхождению корень *мемориал* не обладает всем богатством «памятных» оттенков и вызывает в сознании носителя русского языка ассоциацию исключительно с «сооружением», что хорошо заметно в кон-

текстах типа *памятник на территории мемориала*.

Анализ лексических единиц текстов латвийской и российской прессы, напрямую связанных с идеей исторической памяти, обернулся доказательством расхожего афоризма: не мы управляем своим языком, но он управляет нами. Выбор языковых средств, которые не представляются говорящему существенными для выражения его позиции, неосознанно производимый из числа возможных вариантов, способен обнаружить скрытые интенции автора высказывания.

В случае с дискурс-анализом газетных обсуждений строительства нового памятника в Саласпилсе нашла подтверждение довольно радикальная гипотеза. В российских источниках, тексты которых оказались мало-эмоциональными и стилистически нейтральными, обнаружилось взвешенное и спокойное отношение к самому факту строительства памятника немецким солдатам на латвийской земле. В то же время в реакции на дискуссии о праве на память проявилась парадоксальная узость взглядов: упоминая лишь о «жертвах нацизма», под которыми подразумевались бывшие узники Саласпилса, авторы анализируемых статей в российской прессе полностью игнорировали тему исторической памяти как таковой и выстраивали текст таким образом, что для ее обсуждения просто не оставалось никакого семантического пространства. Латвийские источники, демонстрировавшие положенную «европейским» статусом и национальным менталитетом толерантность и беспрестанно обыгрывающие формулу «Каждый человек имеет право на память», тут же опровергали ее, в самых резких выражениях отрицая это право в случае с безымянными немецкими солдатами, которым не посчастливилось окончить свои дни в статусе военнопленных на чужой земле. Для авторов рассмотренных тестов эта земля отнюдь не чужая — потому отношение к ней оказывается исключительным и исключаяющим декларируемое универсальное право в отдельно взятом случае.

Как российские, так и латвийские источники строят анализ описываемых событий на основании имплицитно представленной семантической оппозиции «Мы» — «Они», но основания обозначенной оппозиции различны. Если для российской прессы они заключены в противопоставлении России и Латвии, то для прессы латвийской наблюдается иной поворот: «Мы» включает в себя всех советских граждан, пострадавших от фашизма; «Они» — немецких солдат, о строительстве памятника которым идет речь. Поскольку «очень важная составляющая зада-

ваемого образа „мы“ — эмоционально-нравственная окрашенность, направленная на усиление мобилизационного потенциала» [Дука 1998: 91—113], то такая позиция латвийской прессы, очевидно, служит определенным скрытым целям: она играет на способности читателей, находящихся за пределами Латвии, идентифицировать себя с потомками тех, кто противостоял фашистским оккупантам во время Второй мировой войны, и тем самым служит попыткой привлечь их на свою сторону.

Итак, проведенный дискурсивный анализ текстов российской и латвийской прессы, посвященных спорам, которые возникли вокруг новости о строительстве на территории военного мемориала Саласпилс памятника немецким солдатам, погибшим во Второй мировой войне, позволяет сделать следующие выводы.

Позиции российской и латвийской сторон при рассмотрении одного и того же исторического конфликта принципиально различны: если тексты латвийской прессы рассматривают описываемую ситуацию как чрезвычайно значимую, принимаемую «близко к сердцу», то российские источники склонны максимально дистанцироваться от описываемых событий и воздержаться от формулирования собственного мнения по поводу обсуждаемой проблемы.

При этом оценка происходящего в Латвии события как «вызвавшего неоднозначную реакцию» «скандала» обнаруживает скрытое злорадство российских СМИ по поводу проблемы, которую бывшей советской республике теперь приходится разрешать самостоятельно, без возможной поддержки российской стороны.

Оппозиция «Мы» — «Они», представленная в анализируемых текстах лишь имплицитно и для латвийских источников заключающаяся в противопоставлении немецких оккупантов («Они») жертвам фашизма, узникам концлагеря в Саласпилсе, в число которых входили отнюдь не только жители Латвии («Мы»), является попыткой привлечь на сторону латвийских участников конфликта всех читателей этих русскоязычных СМИ, играя на способности таких читателей идентифицировать себя с потомками тех, кто противостоял фашистским оккупантам во время Второй мировой войны.

При этом как для российской, так и для латвийской прессы в равной степени характерна «двойная мораль», которая обнаруживается при анализе лингвистических механизмов формирования исторической памяти: российские источники демонстрируют подчеркнуто спокойное отношение к самому

факту строительства памятника немецким солдатам на латвийской земле, однако в действительности достойными памяти полагают лишь жертв нацизма; в латвийской прессе открыто декларируется право на память любого из погибших, независимо от его принадлежности к одной из воевавших сторон, но при этом в действительности полностью отрицается право на памятник безымянных немецких солдат. Таким образом, ценностный, аксиологический аспект концепта *память* оказывается в значительной степени зависящим не от определяемых конкретной политической стратегией установок говорящего, а от его личной позиции в оценке прошлого (напомним, что, по словам Поля Рикера, «для каждого человека ... исключительное значение имеет то, что следует помнить и что следует забыть»).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]. По данным «Сводного словаря современной русской лексики» [Сводный словарь... 1991, т. 1], а также «Большого академического словаря русского языка» [Большой академический... 2009]. Зафиксировано лишь в лексикографическом пособии «Новые слова и значения» [Новые слова и значения 1984: 408] в значениях ‘характеризующийся сложностью, противоречивостью, разнообразием своего проявления’ и ‘допускающий возможность разного истолкования, разного понимания’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов. — М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1999.
2. Байгарина Г. П. Оценочность как универсалия публицистического текста // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как национального: материалы 3-й Междунар. науч.-метод. конф. — М., 2004.
3. Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
4. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории дискурса) // Проблемы языкового варьирования. — М., 1990.
5. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М., 1993.
6. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. Дискурсивные слова русского языка / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М., 1998.
7. Белокурова С. П. Публицистический стиль // Русский язык: школьный энциклопедический слов. — СПб., 2013.
8. Березовская А. Скандал вокруг саласпилского погоста как повод к размышлению // Телеграф. 2008. 15 окт.

9. Большой академический словарь русского языка. — СПб., 2009. Т. 12.
10. Водо В. Латвия придаст войне новое значение // Коммерсант. 2008. 19 дек.
11. Друговейко К. Трагедия Саласпилса продолжается // Дело. 2008. 17 нояб.
12. Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. — СПб., 1998. № 1.
13. Казумова Э. Советскую память заменят на // Взгляд. URL: <http://vz.ru/society/2008/9/26/212503.html> (дата обращения: 30.06.2014).
14. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. — М., 2007.
15. Малаховский С. На территории Саласпилского мемориала поставят памятник... немцам // Ves.LV. Латвийские вести. URL: <http://old.ves.lv/article/56198> (дата обращения: 30.06.2014).
16. На территории бывшего нацистского концлагеря Саласпилс в Латвии ставят памятник немецким солдатам // NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/24sep2008/salaspils.html> (дата обращения: 30.06.2014).
17. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. — М., 1984.
18. Паршин П. Б. Речевое воздействие // Кругосвет: онлайн-энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html (дата обращения: 30.06.2014).
19. Ревзина О. Г. Память и язык // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2006. Вып. 10.
20. Рикер П. Память, История, Забвение. — М., 2004.
21. Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Русский язык, 1991.
22. Словарь русского языка. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1988.
23. Современный русский язык. Морфология. — СПб., 2007.
24. Спранцмане М. Новое испытание для окровавленной земли // МК-Латвия. 2008. 8 окт.
25. Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2006. № 8.
26. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре: спец. вып.: Память о войне 60 лет спустя. 2005. № 2—3.
27. Шевченко А. Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации // Теория коммуникации & прикладная коммуникация: сб. науч. тр.: вестник Рос. коммуникативной ассоциации / под общ. ред. И. Н. Розинной. — Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. Вып. 1.
28. Teun van Dijk. Discursive analyzes of news // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research / ed. by K. Bruhn Jensen. — London: Longman, 1999. Vol. 5.

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. В. А. Ачкасов.